

СОДЕРЖАНИЕ

НАЧАЛО!	4
Знаком он вам?	8
Можно ль против всех?	32
Пошлость всего вместе	69
Подлость от ума	118
Под флагом благонамеренности	145
Наперегонки с прогрессом	185
КОНЕЦ?	202

НАЧАЛО!

Бывают странные сближения.

А. Пушкин

Тому в Истории мы тьму примеров слышим.

И. Крылов

Этот необычный романчик русские литераторы писали почти сто пятьдесят лет. Но так и *не дописали*, потому что главный персонаж его все норовил ускользнуть от острого писательского глаза, менял окрас и, по выражению Салтыкова-Щедрина, бесшумно переползал «из одного периода истории в другой».

Уже были для этого романчика готовы главы и главки, короткие зарисовки и наброски. Они даже опубликованы.

Авторов много, и они столь знамениты, что одно перечисление заставит вздрогнуть искушенного читателя.

А. Радищев, А. Грибоедов, А. Пушкин, П. Вяземский, Е. Баратынский, М. Лермонтов, Н. Гоголь, Ф. Достоевский, А. Островский, И. Гончаров, М. Салтыков-Щедрин, Н. Помяловский, А. Сухово-Кобылин, А. Чехов, А. Толстой, Е. Замятин, В. Маяковский, Н. Эрдман, М. Булгаков, А. Галич...

Постойте, скажет разумный специалист, не могли эти писатели создавать общее произведение. Никак не могли. Хотя бы потому, что жили они в разное время и были очень непохожи. Да и как списаться вместе поэтам, драматургам и прозаикам? Даже Ильфу и Петрову вдвоем было непросто.

Да, это почти так. Но, как мы убедимся, «списаться» смогли. Полтора века персонаж-долгожитель тревожил знаменитые умы. И каждый добавлял свой штрих к его биографии. И каждый, внимательно читая соратников по перу, вписывал свой эпизод в историю походов, которую мы и собираемся воссоздать.

В целом она может сложиться только в нашем читательском воображении. Значит, дописывать романчик придется нам, уважаемые читатели.

Будь у этого будущего произведения настоящий герой, можно было бы вести речь о рома-

не. Даже о классическом семейном романе. Все признаки налицо. Но тот, о котором пойдет речь, на героя никак не тянет. И повествование о его похождениях язык не поворачивается назвать романом. Поэтому будем говорить о *персонаже* и о *романчике, полухудожественном*.

Почему — *полухудожественный*? В нашем романчике очень много прямых писательских свидетельств и примеров, взятых из лучших книг русских классиков. В их *художественности* не усомниться любой скептик. А *полу*? Все главы и главки, наброски и зарисовки, созданные за полтора века, надо было прочитать и перечитать, соединить и выстроить — проще говоря, *составить*, чтобы получилось последовательное произведение. Конечно, эти связки и мостики художественными не являются.

Итак. Место действия — Россия. Время действия — от конца восемнадцатого века до тридцатых годов двадцатого. Главный персонаж многолик и одновременно един в разных лицах. Соавторы — перечитайте список!

Правда, есть и более поздние писательские наблюдения за невероятными похождениями долгожителя. Но мы их здесь касаться не будем — не хочется выходить за рамки классической традиции. Там бы разобраться.

Но знающий читатель и сам сможет пойти дальше. Ведь по большому счету этот романчик,

даже сложившись в нашем воображении, все равно останется незаконченным.

Времена-то и обстоятельства меняются, а главный персонаж никуда не девается, только меняет внешний облик и умело приспосабливается к новым временам и обстоятельствам. Он и сегодня жив-здоров. И опять настойчиво заявляет о себе и своих аппетитах. Уж очень подходит наше время для его новых походов.

Если читатель захочет провести какие-то параллели с реальными людьми и событиями, то он имеет на то полное право. Наше же дело — литературное.

Знаком он вам?

Все тот же он, иль усмирился?
Иль корчит так же чудака?
Скажите, чем он возвратился?
Что нам представит он пока?
Чем ныне явится? Мельмотом,
Космополитом, патриотом,
Гарольдом, квакером, ханжой,
Иль маской щегольнет иной,
Иль просто будет добрый малый,
Как вы да я, как целый свет?..
– Знаком он вам? – И да, и нет.

А. Пушкин

Знаком! Еще как знаком! — отозвался И. Гончаров, автор трех знаменитых «О» («Обыкновенная история», «Обломов», «Обрыв»), и в 1879 году написал статью «Лучше поздно, чем никогда», где напророчил наш воссоздаваемый романчик.

«Этот мир творческих типов, — размышлял писатель, сам создавший немало собирательных персонажей, — имеет как будто свою особую жизнь, свою историю, свою географию и этнографию, и когда-нибудь, вероятно, сделается предметом любопытных историко-философских критических исследований. Дон Кихот, Лир, Гамлет, леди Макбет, Фальстаф, Дон Жуан, Тартюф и другие уже породили, в созданиях позднейших талантов, целые родственные поколения подобию, раздробившихся на множество брызг и капель. И в новое время обнаружится, например, что множество современных типов, вроде Чичикова, Хлестакова, Собакевича, Ноздрева и т. д., окажутся разнородностями разветвившегося генеалогического дерева Митрофанов, Скотининых и в свою очередь расплодятся на множество других, и т. д. И мало ли что открылось бы в этих богатых и нетронутых рудниках!»

Что ж, отличный повод, уважаемые читатели, и нам отправиться на поиски «странных сближений», может быть, и неприметных с первого взгляда, но имеющих в жизни и литературе «тму примеров».

Знакомая с давних пор картина. Она памятна, наверное, каждому бывшему шестикласснику: «Через базарную площадь идет полицейский надзиратель Очумелов в новой шинели и с узелком в руке. За ним шагает рыжий городской с ре-

шетом, доверху наполненным конфискованным крыжовником. Кругом тишина... На площади ни души...»

Но что за крики? «Так ты кусаться, окаянная? — слышит вдруг Очумелов. — Ребята, не пущай ее! Нынче не велено кусаться! Держи!» Идиллия вмиг рассыпалась, и обладателю новой шинели пришлось изрядно поволноваться, прежде чем спокойствие будет восстановлено. Чья же это собачонка укусила за палец золотых дел мастера Хрюкина — генеральская или нет? Вот вопрос! Ошибиться нельзя, надобно знать точно.

Долго прикидывает Очумелов. То распаляется и в гневе готов наказать несчастного владельца: «Я покажу вам, как собак распускать! Пора обратить внимание на подобных господ, не желающих подчиняться постановлениям!.. Ты, Хрюкин, пострадал, и дела этого не оставляй... Нужно проучить! Пора...» То умиляется и вместо угроз добропорядочно заискивает: «Она, может быть, дорогая, а ежели каждый свинья будет ей в нос сигаркой тыкать, то долго ли испортить. Собака — нежная тварь... Шустрая такая... Цап этого за палец! Ха-ха-ха...»

И бросает беднягу то в жар («Сними-ка, Елдырин, с меня пальто... Ужас, как жарко! Должно полагать, перед дождем...»), то в холод («Надень-ка, брат Елдырин, на меня пальто... Что-то ветром подуло... Знобит...»), когда он силится угадать,

откуда и каких ждать последствий. Наконец дело благополучно разрешается (конечно, не в пользу пострадавшего!), и Очумелов с чувством честно исполненного долга, «запахиваясь в шинель, продолжает свой путь по базарной площади».

Скажете — мелочь, житейский анекдот, каких множество рассыпано по ранним рассказам Чехова? Ну, это как посмотреть! Если припомнить кое-каких персонажей русской литературы да сравнить, то окажется, что не так уж прост этот Очумелов, хоть и полицейский надзиратель. Целый характер с богатой родословной, уходящей в толщу литературного времени. *Он не первый и не последний представитель замечательного семейства, благополучно пережившего немало потрясений и раздробившегося, по выражению Гончарова, «на множество брызг и капель».*

Так кто же они, эти долгожители? В чем смысл их существования? Каковы взгляды, пристрастия, мысли, чувства? Что держит их на плаву истории, как они выживают? С кем они и против кого?

Ответить на эти вопросы гораздо труднее, чем может показаться на первый взгляд. Легче говорить о людях, у которых есть что-то свое. А у наших героев своего-то как раз и не может быть — одна благонамеренная пустота. «Это люди подражательные», «у них ничего нет за душой» —

таково мнение чуткого к жизненным явлениям писателя Н. Помяловского, автора знаменитых «Очерков бурсы».

Вот как он определил их суть в повести «Молотов»: «Поживши с угрюмым человеком, Касимов совсем отвык от улыбки; с рыцарями — он рыцарь, с франтами — франт, среди ученых корчит глубокомысленную рожу. Однажды он вздумал идти в монахи, потому что наслушался какого-то старика о развращении рода человеческого; а через месяц он уже был отчаянным франтом. Заклятый ненавистник брака, пока холост, а женится — попадет под башмак жены. Человек с небольшим характером и какой-нибудь оригинальной выправкой может заставить их сапоги себе чистить. Противно смотреть на них, так и льнут в глаза и точно в губы поцеловать хотят. Словом, народ сопливый. Он всегда находится под влиянием последней прочитанной статейки... и ничего нигде не понимает, всегда с чужого голоса поет».

Догадываетесь, кто входит в наше замечательное семейство? Давайте — для первого знакомства — назовем лишь некоторые лица, составившие «генетический фонд». И ограничимся короткими характеристиками, которые дают нашим героям их создатели и другие персонажи. А позже поговорим обо всех вместе и о каждом подробнее.

Родоначальник семейства — вездесущий Антон Антонович Загорецкий из комедии

А. Грибоедова «Горе от ума». Конечно, сам по себе этот тип не был исключительным открытием автора гениальной пьесы. В нем есть и узнаваемые черты реальных людей, и приметы времени, и литературные отголоски. Уже была, к примеру, написана и ставилась на сцене комедия А. Шаховского «Урок кокеткам, или Липецкие воды», героиня которой, графиня Лелева, при нужде могла «ко всякому приноровиться нраву»:

Жива с Угаровым, с Фиалкиным томна,
С бароном любит двор, а с Пронским – русских
славу...

Но то — истоки образа, ручейки, а Загорецкий — полноводная река со своим руслом и поровом. Кто он? Светский человек, «отъявленный мошенник, плут»; «лгунишка он, картежник, вор»; «при нем остерегись: переносить гораздо, и в карты не садись: продаст». Да, отзывы нелестные, но ведь сказано у Грибоедова: «... у нас ругают везде, а всюду принимают». И все потому, что «мастер услужить». Вот и благодарят его за услуги, «а за старанье вдвое».

Принимают и бессловесного Алексея Степановича Молчалина. Он скромн, тих, незаметен. Вроде и непохож, а присмотришься — повадки те же:

Там моську вовремя погладит,
Тут в пору карточку вотрет,
В нем Загорецкий не умрет!..

Услужливый Молчалин обладает ценнейшим капиталом: умеренностью и аккуратностью. Этот капитал при любых обстоятельствах дает ему и его многочисленным потомкам хороший процент. Есть у него и еще одно приятное свойство — готовность до гроба служить тому, кто «кормит и поит, а иногда и чином подарит». Он даже готов принять вид любовника «в угодность дочери такого человека». Да и как иначе! Это — наследственное:

Мне завещал отец:
Во-первых, угождать все людям без изъятия —
Хозяину, где доведется жить,
Начальнику, с кем буду я служить,
Слуге его, который чистит платья,
Швейцару, дворнику, для избежания зла,
Собаке дворника, чтоб ласкова была.

Под стать этой парочке и Адам Петрович Шприх, одно из действующих лиц драмы М. Лермонтова «Маскарад». Работая над пьесой, Лермонтов не только внимательно читал «Горе от ума», но и, как выяснили историки литературы, выбрал для Шприха тот же оригинал, что и Грибоедов для